

И.К. Кондратьев

Московский Кремль

**Святыни и достопамятности.
Историческое описание соборов,
церквей и монастырей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.К. Кондратьев**
Московский Кремль: Святыни и достопамятности. Историческое описание соборов, церквей и монастырей / И.К. Кондратьев – М.: Книга по Требованию, 2013. – 192 с.

ISBN 978-5-518-06656-4

ISBN 978-5-518-06656-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ческое капище, которыя, обыкновенно, устраивались въ такихъ именно мѣстностяхъ, при слияніи двухъ рѣкъ. Города эти строились преимущественно въ глухихъ лѣсахъ и окапывались нерѣдко землянымъ валомъ, чтобы, на случай опасности, оно могло укрыть мѣстное населеніе. Это подтверждается открытыми въ Кремлѣ же памятниками. При раскопкѣ земли, по случаю постройки Большого двора, тамъ были найдены серебряные обручи, серьги и австрійскія монеты IX столѣтія. При введеніи христіанства, холмъ, вѣроятно, застроился владѣльцемъ окружныхъ земель, скорѣе всего бояриномъ въ родѣ Степана Ивановича Кучко, которые жили независимо и привольно, не желая знать никакихъ князей-избранниковъ. Такъ, вѣроятно, дѣло шло до тѣхъ поръ, пока не появился въ этой мѣстности Юрій Долгорукій, который, «полюбя же вельми мѣсто сіе, заложилъ градъ и пребылъ тутъ строя, доколѣ бракъ Андреевъ совершилъ»¹⁾.

Какое именно былъ этотъ градъ, основанный Долгорукимъ,—неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего, что Юрій просто рѣшилъ быть на этомъ мѣстѣ граду, такъ-какъ черезъ эту мѣстность издавна лежала большая дорога изъ Кіева во Владиміръ, а еще болѣе потому, что поселеніе находилось на перекресткѣ торговаго сухопутнаго сообщенія Запада съ Востокомъ, гдѣ жило на Волгѣ богатое, торговое Болгарское племя.

Маленькое поселеніе, такимъ образомъ, обратило на себя вниманіе, и высокій холмъ надъ рѣкой, послѣдовательно, сдѣлался, по выраженію М. Погодина, корнемъ, зерномъ, сѣменемъ Русскаго Государства.

Но исторія этого «зерна», т.-е. исторія Москвы и ея постепеннаго усиленія и распространенія, начинается именно съ князя Данила Александровича и именно съ того времени, какъ онъ положилъ основаніе Кремлю²⁾.

¹⁾ Сына своего Андрея Юрьевича на Улитѣ, дочери боярина Кучко. Бракъ праздновался пять дней. Затѣмъ Юрій съ дѣтьми возвратился въ Суздаль.

²⁾ Слово „Кремль“ до сихъ поръ не объяснено еще удовлетворительно. Нѣкоторые производятъ его отъ татарскаго слова „крѣпость“, а нѣкоторые отъ слова „кремень“ въ смыслѣ крѣпкій. Говорятъ, что въ началѣ

Намъ подлинно неизвѣстенъ образъ тогдашняго строенія крѣпостей, но, судя по оружію и образу войны, навѣрное можно сказать, что таковыя укрѣпленія строились просто квадратными. О башняхъ не упоминается, а если таковыя и дѣлались, то, можетъ быть, только для наблюденія за движеніемъ непріятели, и были, такъ сказать, сторожевыми.

Мѣсто для Кремля было избрано весьма удобное и положеніе для открытой рукопашной силѣ превосходно: расположенный на высокомъ холмѣ, — къ югу онъ защищался Москвою рѣкою, къ западу и сѣверу топкою рѣкою Неглинной, а къ востоку, впоследствии, искусственнымъ глубокимъ ровомъ, простиравшимся отъ рѣчки Неглинной до Москвы-рѣки.

Иванъ Даниловичъ Калита, послѣ двухъ пожаровъ (въ 1330 и 1337 гг.), когда, по извѣстію лѣтописи, сгорѣло 18 церквей, находившихся подъ Кремлевскою горою, — нашелъ необходимымъ обнести весь Кремль дубовыми стѣнами, заложенными 25 ноября 1339 года и оконченными къ великому посту слѣдующаго года ¹⁾. Подъ городомъ Иванъ Калита построилъ Посады и Слободы, которые были заселены великокняжескими ремесленниками, что доказывается названіями: Гончарная, Кузнечная и т. д.

Въ 1365 году Кремль, Посады и Зарѣчье были опустошены страшнымъ пожаромъ, извѣстнымъ подъ именемъ Всевятскаго, потому-что онъ начался съ церкви Всѣхъ святыхъ. Засуха и сильный вѣтеръ въ день пожара много способствовали распространенію огня. Головни и цѣлыя бревна съ огнемъ перекидывало черезъ десять дворовъ, и въ какіе нибудь два часа времени весь городъ сгорѣлъ до основанія, и никто изъ жителей не успѣлъ спасти своего имущества. Но городъ скоро застроился, и явилась необходимость обнести Кремль каменными стѣнами, потому-что, утверждая еди-

---

Кремль и назывался Креникомъ, а не Кремлемъ. Кремль былъ еще извѣстенъ подъ названіемъ „дѣтинецъ“, что происходитъ отъ славянскаго слова „дѣдина“, т.-е. деревня, владѣніе, обиталище, дворъ дѣдача, отчичника, владѣльца, наконецъ мѣсто укрѣпленное. — Кремль имѣетъ въ окружности 2 версты и 40 сажень.

¹⁾ Остатки этихъ стѣнъ, въ видѣ толстыхъ дубовыхъ бревенъ, были найдены въ землѣ при строикѣ Кремлевскаго дворца.

нодержавіе, великій князь прибрѣталъ много враговъ среди князей, не желавшихъ ему подчиняться. Черезъ два года послѣ пожара, въ 1367 году, великій князь Дмитрій Іоанновичъ, въ послѣдствіи Донской, обнесъ Кремль каменными стѣнами съ башнями и желѣзными воротами: Никольскими, Флоровскими, Константино-Еленскими и Алексѣевскими. Съ западной стороны Кремля главными воротами были Боровицкія, отъ которыхъ шла большая улица, ведшая къ великокняжескому дворцу. Угольная башня противъ нынѣшняго Москворѣцкаго моста названа Свибловскою по имени одного изъ главнѣйшихъ бояръ при вел. кн., Феодора Андреевича Свиблы. Въ это время Москва раздѣлялась на Кремль, Посадъ, Загорье и Зарѣчье. Сынъ Дмитрія Іоанновича, Василій I Дмитриевичъ, для большаго укрѣпленія Москвы, велѣлъ выкопать по восточной сторонѣ Кремля ровъ глубокою въ ростъ человѣка, а шириною въ сажень. При немъ Москва была раздѣлена, со станами и селами, на трети, и въ ней были уже слѣдующія улицы: Великая, шедшая отъ нынѣшняго Воспитательнаго дома, по берегу Москвы-рѣки, мимо Кремля, Варварская, Срѣтецкая и Арбатская (нынѣшняя Воздвиженка), и др.

Время, непрочность кирпичей и извести, употреблявшихся тогда, и неумѣнье еще строить съ надлежащею прочностью каменныхъ укрѣпленій, были причиною, что заложенный Дмитріемъ Донскимъ Кремль, по прошествіи ста лѣтъ, приходилъ уже въ ветхость. Іоаннъ III, Васильевичъ, положившій прочное основаніе единодержавію и величію Россіи, перестроилъ и распространилъ Кремль и вообще первый занялся украшеніемъ Москвы. До него Москва, въ общемъ, представляла довольно бѣдный видъ, какъ единогласно свидѣтельствуютъ о томъ всѣ иностранцы, бывавшіе въ Москвѣ и оставившіе описанія своего пребыванія въ ней. Такъ-какъ свои мастера не имѣли достаточныхъ знаній, чтобы производить постройки, то великій князь, по совѣту жены своей Софіи, рѣшился выписать изъ Италіи болѣе свѣдущихъ строителей. Онъ поручилъ Семену Толбузину, своему послу въ Венеціи, поискать тамъ хорошихъ мастеровъ. Но никто не соглашался ѣхать

въ далекую и мало еще извѣстную Москву. Наконецъ, Толбузину посчастливилось найти одного зодчаго, который заявилъ себя уже тѣмъ, что выстроилъ въ Венеціи большую церковь и ворота, и который согласился ѣхать въ Москву за десять рублей жалованья въ мѣсяць, что составляло около двухъ фунтовъ серебра. Это былъ знаменитый Аристотель Фіоравенти. Онъ пріѣхалъ въ Москву съ сыномъ Андреемъ и ученикомъ. Найдя за Андроньевымъ монастыремъ хорошую глину, онъ сталъ дѣлать превосходные кирпичи. Онъ же первый употребилъ въ дѣло стѣнобитную машину и блокъ, которыхъ москвичи не видали у себя ранѣе. Аристотель былъ не только искуснымъ архитекторомъ, но зналъ еще и другія искусства: лить пушки, и настолько умѣлъ ими управлять, что участвовалъ, по свидѣтельству лѣтописца, въ походѣ Ивана Васильевича на Тверь, находясь при орудіяхъ. Во время осады Новгорода, онъ построилъ подъ городищемъ мостъ на судахъ. Кромѣ того, онъ лилъ колокола и чеканилъ монеты ¹⁾. Вслѣдъ за Аристотелемъ были приглашены въ Москву еще многіе другіе иноземные художники, производившіе различныя постройки и исправлявшіе прежніе соборы, церкви, зданія.

Новыя каменные стѣны съ башнями были возведены, отступая отъ прежнихъ. Между стѣною и дворами было оставлено 109 сажень, а церкви и дома, стоявшіе на этомъ пространствѣ, снесены. *Петръ-Антонъ Фрязинъ* въ 1485 году выстроилъ Свибловскую башню на Москвѣ-рѣкѣ и подъ нею вывелъ тайникъ. Затѣмъ, въ теченіе семи лѣтъ, онъ выстроилъ башни, или стрѣльницы: у Флоровскихъ, Никольскихъ, Боровицкихъ и у Константино-Еленскихъ воротъ, и стѣну отъ Свибловской стрѣльницы до Боровицкихъ воротъ и далѣе до Неглинной. Другой зодчій-иностраниецъ, *Маркъ Руфъ*, построилъ стрѣльницу Беклемишевскую. Всѣ эти стрѣльницы соединены были толстою, вышиною въ нѣ-которыхъ мѣстахъ до трехъ сажень, стѣною.—Страшный пожаръ въ 1493 году, внутри Клемя, сдѣлалъ въ немъ

¹⁾ До насъ дошли монеты того времени, съ надписью: „Aristoteles“.

и страшныя опустошенія. Сгорѣлъ новый дворецъ великокняжескій, оконченный года за два передъ тѣмъ, старый дворецъ, митрополичій дворъ, обрушилась церковь Іоанна Предтечи и Боровицкихъ воротъ, подъ которой хранилась казна великой княгини Софьи, и много другихъ зданій. Уцѣлѣли только соборы да Грановитая палата, выстроенная Маркомъ Руфомъ и Петромъ Фрязинымъ, получившая свое названіе отъ граненыхъ камней наружной стѣны. Великій князь, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, лично помогаль разметывать строенія для прекращенія пожара. При этомъ погибло болѣе 200 человекъ, а также множество лошадей и другихъ животныхъ. Лѣтописцы говорятъ, что какъ Москва стала такого пожара еще не было. Самъ вел. кн. принужденъ былъ переѣхать временно за Язу, и поселился на «крестьянскихъ дворахъ» у церкви св. Николая, что именовалась Подкопай. Черезъ шесть лѣтъ великій князь поручилъ Медиоланскому архитектору Алевизу построить каменный дворецъ на старомъ своемъ дворѣ у Благовѣщенія. Алевизъ употребилъ девять лѣтъ на построеніе дворца, но выстроилъ его основательно, сдѣлалъ подъ нимъ подвалы и ледники и провелъ каменную стѣну отъ дворца великокняжескаго до Боровицкой стрѣльницы. Во время постройки дворца вел. князь помѣщался въ деревянныхъ хоромахъ въ своемъ Кремлевскомъ дворѣ, а иногда на Воронцовомъ полѣ. Онъ не дожидъ до окончанія дворца. Надо замѣтить, что построеніе церковей и палатъ хотя и было поручаемо иностраннымъ художникамъ, но живопись, особенно церковная, оставалась въ рукахъ русскихъ художниковъ.

Преемникъ Іоанна III Васильевича, Василій Іоанновичъ, былъ первымъ вполнѣ самостоятельнымъ государемъ московскимъ. Въ самомъ началѣ своего княженія онъ достроилъ въ Кремлѣ каменный дворецъ, начатый отцомъ его, и перешелъ въ него жить 7 мая 1508 г. Онъ великолѣпно отдѣлалъ дворецъ и, кромѣ того, выстроилъ въ Кремлѣ на прежнихъ мѣстахъ нѣкоторыя новыя каменные церкви. Ровъ, идущій вокругъ Кремля, велик. князь велѣлъ мастеру Алевизу Фрязину обложить камнемъ

и кирпичемъ, и выкопать при впадѣніи Неглинной въ Москву-рѣку, за Боровицкими воротами, прудъ, названный Лебединымъ. На этомъ прудѣ была поставлена каменная мельница и вода изъ него проводилась во рвы.

Въ первыя годы царствованія Іоанна IV Васильевича, впослѣдствіи прозваннаго Грознымъ, ужасающій пожаръ снова опустошилъ кремль ¹⁾. Пожаръ начался съ церкви Воздвиженья на Арбатѣ (теперешней Воздвиженкѣ). При сильномъ вѣтрѣ огонь быстро распространился вплоть до Москвы-рѣки, у Семичевского сельца, гдѣ теперь церковь Успенія на Остоженкѣ. Отсюда огонь былъ занесенъ бурей въ Кремль, гдѣ загорѣлся Успенскій соборъ, царскій дворецъ, Казенный дворъ и Благовѣщенскій соборъ. Царь съ супругою Анастасією, братомъ и боярами вынужденъ былъ выѣхать въ село Воробьево. Митрополитъ Макарій едва не задохнулся отъ дыма въ Успенскомъ соборѣ, спасая образъ Богоматери, написанный св. митрополитомъ Петромъ ²⁾. Владимирскую икону Божіей Матери хотѣли тоже вынести изъ церкви, но не могли сдвинуть ее съ мѣста, и потому оставили въ соборѣ: она не была повреждена огнемъ. Макарій ушелъ на городскую стѣну, но и тамъ задышался отъ дыма. Его стали спускать на веревкахъ съ тайника башни къ Москвѣ-рѣкѣ, но канатъ оборвался, митрополитъ упалъ и сильно расшибся при паденіи. Едва живого его свезли въ Новоспасскій монастырь. Въ кремлѣ сгорѣли почти всѣ дворцовыя зданія, Чудовъ и Вознесенскій монастыри, Оружейная палата съ оружіемъ, Постельная палата съ казною и Митрополичій дворъ. Во многихъ каменныхъ церквахъ сгорѣли иконостасы и имущества частныхъ людей, которое еще пряталось въ то время при церквахъ. Ужасный пожаръ захватилъ и другія мѣстности Москвы. Народъ приписывалъ этотъ пожаръ дѣйствию волшебства. Подъученный боярами, ненавидившими Глинскихъ, родственниковъ царя по матери Еленѣ Глинской, народъ обвинялъ въ немъ царскихъ любимцевъ.

¹⁾ 21-го іюня 1547 г.

²⁾ Макарій сост. митрополитомъ съ 1543 по 1564 годъ.

Первымъ былъ убитъ князь Юрій Глинскій, спрятавшійся было въ Успенскомъ соборѣ. Черезъ три дня послѣ этого бунтующій народъ устремился на Воробьево, требуя отъ царя всѣхъ Глинскихъ. Царь велѣлъ схватить зачинщиковъ и казнить. Остальные разбѣжались. Пожаромъ этимъ, казавшимся карой Божіей, воспользовался извѣстный пресвитеръ Благовѣщенскаго собора, Сильвестръ, по происхожденію новгородецъ, чтобы подѣйствовать на совѣсть царя, проявившую уже страшную жестокость. Какъ извѣстно по исторіи, слова Сильвестра сильно подѣйствовали на царя, и съ этой минуты царь весь предался своему новому наставнику, найдя въ немъ какую-то сверхъ-естественную силу. Помощникомъ и единомышленникомъ Сильвестра сдѣлался Алексѣй Адашевъ, еще юноша, бывшій въ приближеніи у царя.—Вернувшись послѣ пожара въ обгорѣлый Кремль, царь нѣсколько дней провелъ въ уединеніи, потомъ созвалъ святителей, покаялся передъ ними въ своихъ грѣхахъ и причастился св. Тайнъ. Немедленно было приступлено къ исправленію поврежденій, причиненныхъ пожаромъ: отстроены Успенскій соборъ, исправленъ дворецъ, обновлена Грановитая палата, которая стала называться еще и Большой Золотой Палатой. Верхи Успенскаго собора были покрыты вызолоченными мѣдными листами, а мощи св. Петра Митрополита, стоявшіе во время передѣлки въ Чудовомъ монастырѣ, переложены изъ серебряной въ новую золотую раку.

При царѣ Феодорѣ Иоанновичѣ въ Кремлѣ считалось 35 церквей, а во всемъ городѣ болѣе 400-тъ. Царь Борисъ Годуновъ произвелъ не мало новыхъ построекъ въ Кремлѣ, между прочимъ выстроилъ для себя большія каменные палаты, гдѣ передъ тѣмъ были хоромы царя Ивана. Эти палаты существовали до начала нынѣшняго столѣтія и находились противъ келій Чудова монастыря, гдѣ теперь казармы.

Послѣ смутнаго времени, времени самозванцевъ и вторженія въ Москву поляковъ и литовцевъ, изгнанныхъ княземъ Пожарскимъ, Кремль найденъ былъ въ ужасномъ состояніи: въ церквахъ все было ободрано, раки святите-

лей, золотыя и серебряныя, были разсѣчены поляками въ части и раздѣлены между собою, образа порублены, вездѣ была страшная нечистота, а въ чанахъ, мѣстами, найдена была приготовленная пища изъ человѣческаго мяса. Все это было дѣломъ шайки поляковъ, запершейся въ Кремлѣ подъ начальствомъ Николая Струса.

По словамъ Адама Олеарія, Голштинскаго ученаго, который посѣтилъ Москву два раза, въ 1634 и 1636 году, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, большую часть Китай-города занималъ тогда Кремль, обведенный толстой каменной стѣной. Внутри этихъ стѣнъ, продолжаетъ сообщать Олеарій, находится много богатыхъ каменныхъ зданій, палатъ и церквей, занимаемыхъ и посѣщаемыхъ великимъ княземъ, патриархомъ, важнѣйшими государственными со-вѣтниками и боярами. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ выстроилъ великолѣпный дворецъ и каменные палаты въ итальянскомъ вкусѣ для своего сына ¹⁾ но самъ жилъ, ради здоровья, въ деревянномъ дворцѣ. Патриархъ тоже выстроилъ для своего помѣщенія великолѣпный дворецъ, который немногимъ хуже великокняжескаго. Въ Кремлѣ два монастыря, мужской и женскій, и до 50-ти церквей, главы которыхъ покрыты гладкой, крѣпко вызолоченной, жестию, которая при солнечномъ свѣтѣ ярко блеститъ и тѣмъ придаетъ всему городу великолѣпный видъ. На самой срединѣ Кремлевской площади стоитъ чрезвычайно высокая колокольня со множествомъ колоколовъ, называемая Иванъ Великій, глава которой тоже облита золоченой жестию. Рядомъ съ нею стоитъ другая колокольня, на которой помѣщается самый большой колоколъ, вылитый при Борисѣ Годуновѣ. Въ этотъ колоколъ звонятъ въ большіе праздники, а также при встрѣчѣ великихъ пословъ и пришествіе ихъ на торжественное представленіе. Для звона въ этотъ колоколъ употребляются 24 человѣка, и даже болѣе, которые стоятъ на площади внизу, и, ухватившись за большія веревки, привязанныя къ двумъ длиннымъ канатамъ, висящимъ по обѣимъ сторонамъ колокольни,

¹⁾ Въ 1636 году.

звонять такимъ образомъ поочередно то съ одной, то съ другой стороны, наблюдая большую осторожность, чтобы не произвести сотрясенія колокольни, отчего она могла бы разрушиться. Для той же цѣли на верху, у самаго колокола, стоятъ нѣсколько человѣкъ, которые помогаютъ приводить въ движеніе языкъ колокола. Въ Кремлѣ же находятся великокняжескія казнохранилища и продовольственные и пороховые дома».

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, застраиваемый внутри Кремль, снаружи оставался въ прежнемъ видѣ. Передѣланы были только Флоровскія ворота, о которыхъ далѣе будетъ особая статья.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича была выстроена въ Кремлѣ Крестовая палата Патріаршаго дома, набережныя хоромы иконнаго терема и Потѣшный дворець. Указомъ 1657 года было запрещено погребать въ Кремлѣ усопшихъ, а до тѣхъ поръ при Кремлевскихъ церквахъ находились кладбища, огороженные надолбами и заборами. Кромѣ царскихъ дворцовъ, приказовъ, аптекъ и др. казенныхъ зданій, въ Кремлѣ въ это время помѣщались и палаты боярѣ и духовныхъ лицъ. Изъ боярскихъ дворовъ извѣстны: Трубецкаго, Одоевского, Голицына, Милославскаго, Морозова, Шереметева, Черкаскаго, Стрешнева и др. Однакожъ деревянныхъ строеній было больше, чѣмъ каменныхъ, потому-что москвичи предпочитали въ то время для житья деревянные хоромы и брусяныя избы каменнымъ палатамъ. Улицы тоже были вымощены брусьями и досками. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, а затѣмъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ Кремлѣ были разбиты два сада, верхній и нижній, по скату Кремлевской горы, въ которыхъ были пруды, выложенные свинцовыми досками, водометы и оранжереи съ рѣдкими иностранными растеніями и плодовыми деревьями. У Боровицкихъ воротъ, на Неглинной, былъ разбитъ плодовый царскій садъ, въ которомъ даже имѣлись виноградныя лозы, лимонныя, лавровыя и фиговыя деревья, а въ царскомъ теремѣ былъ сдѣланъ комнатный садъ. Кромѣ того, царскіе сады были на

Царицыномъ лугу, гдѣ нынѣшняя Болотная площадь ¹⁾ близъ Нѣмецкой слободы, и въ селѣ Измайловѣ.

Страшное несчастье, въ видѣ чумы, охватило Москву и ея окрестности въ сравнительно счастливое царствованіе Алексѣя Михайловича ²⁾. Царь въ это время, послѣ удачнаго похода противъ Польши, находился въ Вязьмѣ. Никакія мѣры противъ ея распространенія не помогали. Подъ смертною казнію было запрещено сообщеніе между зараженными и незараженными деревнями. Зараженные деревни оцѣплялись стражею, которая никого не пропускала и раскладывала частые огни вокругъ поселеній. Царское семейство, затѣмъ, вмѣстѣ съ Патріархомъ Никономъ, помѣстилось въ Калязинскомъ монастырѣ. Грамоты, присылаемыя туда изъ Москвы, тщательно окуривались. Ужасны были извѣстія, сообщаемыя этими грамотами: въ нихъ говорилось, что почти вся Москва вымерла, въ лавкахъ никто не сидитъ, преступники изъ тюремъ разбѣжались, множество дворовъ разграблено, и остановить грабежа некому. По списку, сдѣланному царскимъ намѣстникомъ, княземъ Пронскимъ, всего умерло 400,800 человекъ. Самъ Пронскій, наконецъ, сдѣлался жертвою моровой язвы, а равно и три митрополита, присланные вмѣсто себя Никономъ. Множество труповъ валялось по улицамъ Москвы и по ея домамъ, и голодные псы и свиньи рвали ихъ на клочки. Дошло до того, что уже не хватало гробовъ для покойниковъ, и ихъ не успѣвали даже хоронить съ обычными обрядами, а рыли просто огромную яму, и сваливали туда тѣла. Тогда отъ царя присланъ былъ въ Москву приказъ запереть всѣ ворота въ Кремль, оставивъ только калитку на Боровицкій мостъ, но и ту запирать на ночь. Осенью болѣзнь начала ослабѣвать, а начавшіеся морозы въ декабрѣ и совсѣмъ прекратили бѣдствіе. Весь Кремль, по случаю смерти дворцовыхъ людей, занесло снѣгомъ. Только въ февралѣ слѣдующаго года царь пріѣхалъ въ Москву.

¹⁾ Болотной площадью ее начали называть съ 1845 года.

²⁾ Въ 1654 году.